

бей, которому патенты и льготы нужны бывали только какъ средство отстоять свою самостоятельность, подсмѣяться надъ старыми сословіями, онъ вдвойнѣ привѣтствовалъ вторженіе демократизма на сцену; обязательность стихотворной формы для него, не прошедшаго вовсе черезъ обычную школьную дрессировку того времени, была непонятна, и онъ рукоплескалъ попыткѣ писать пьесы прозой, придавая разговору житейскій характеръ, — а сила чувства, торжествующаго надъ предрасудками и самоуправствомъ, любимая тема Дидро, должна была въ эту минуту особенно увлекать его. Такъ зародились первыя его драмы: „Евгенія“ и „Два друга“; имъ несомнѣнно овладѣлъ искренній творческій порывъ; призваніе чувствительнаго драматурга онъ серьезно счелъ своимъ удѣломъ; на этотъ разъ никакой расчетъ не руководилъ имъ. Его пьесы слишкомъ были проникнуты недовольствомъ обычною моралью, слишкомъ омрачали умы тѣхъ, кто не разстался еще съ преданіями регентства и хотѣлъ лишь веселиться. Вообще это отклоненіе таланта Бомарше было неудачно (вторая пьеса, взятая изъ міра банкротствъ и расхищеній, пала послѣ перваго представленія) и осталось въ его дѣятельности краткимъ эпизодомъ. Но оно не прошло безслѣдно; „Евгенія“ прямо посчастливилось за предѣлами Франціи, и трогательныя ея сцены, и обличеніе неравенства, и умно написанное введеніе („Опытъ о серьезной драмѣ“), узаконявшее отнынѣ подобныя мѣщанскія пьесы, — все это дѣйствовало на измѣненіе вкуса подчасъ сильнѣе, чѣмъ драмы Дидро. Взявъ для „Евгеніи“ изъ „Хромого Бѣса“ одинъ вводный разговоръ, Бомарше свободно переработалъ его и превратилъ въ картину изъ современной парижской жизни, настолько правдивую, что цензура потребовала значительныхъ измѣненій. Герой пьесы, молодой аристократъ, племянникъ военнаго министра, обманулъ бѣдную дѣвушку пародією на бракъ, бросилъ потомъ свою жертву, но раскаялся, тронутый ея благородствомъ и нравственной высотой. Какъ можно было допустить подобный сюжетъ! И французскій баричъ превратился въ графа Кларендона, а дѣйствіе было перенесено въ Лондонъ. Это еще болѣе сблизило фабулу съ чувствительнымъ изображеніемъ такихъ же столкновеній невинности и самоуправства въ Ричардсоновскихъ романахъ, начинавшихъ тогда улаживать европейскую публику.

Не замѣчая декламаци и общихъ мѣстъ, непривычная и невзыскательная, она долго считала эту пьесу образцовою. Ее переводили и играли вездѣ. Въ кружкѣ Гаррика, передѣланная подѣ